

Научная статья
УДК 947.084.3+930.1(09)
doi: 10.17223/15617793/511/15

Современная историография исторической памяти о Гражданской войне (1918–1922) в России

Ирина Васильевна Скипина¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.skipina@mail.ru

Аннотация. Анализируется историография исторической памяти о Гражданской войне в России, сформировавшаяся в последнее десятилетие. Установлено, что и в общественной, и в академической среде продолжают «бои за историческую память», оценки событий российской истории 1918–1922 гг. имеют неоднозначный характер. В сложившейся ситуации историография способствует формированию коллективной памяти, соответствующей историческим реалиям, а не конструктам разноплановых политиков.

Ключевые слова: современная историография, историческая память, Гражданская война, 1918–1922, идентичность

Для цитирования: Скипина И.В. Современная историография исторической памяти о Гражданской войне (1918–1922) в России // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 151–158. doi: 10.17223/15617793/511/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/15

Modern historiography of the historical memory of the Civil War (1918–1922) in Russia

Irina V. Skipina¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, i.v.skipina@utmn.ru

Abstract. The article presents the results of studying the historical memory of the Civil War. The aim of the publication is to establish the degree of development of the problem of historical memory about the events of 1918–1922 that occurred in Russia in modern historiography. The methodological basis of the analysis is the principle of interdisciplinarity and the concept of collective memory; on their basis, historiography is considered as transforming under the influence of the era to which it belongs. The phenomenological method was used; it made it possible to analyze historical knowledge as a phenomenon and a cultural phenomenon. The personifying method made it possible to characterize the specifics of each author's views and contribution to the study of the topic. In modern historiography, an opinion was established that the Civil War was fratricidal. The country was spurred to this event by the First World War, which aggravated socio-economic contradictions, and then by the Great Russian Revolution. Modern authors see the confrontation of 1918–1922 as more negative than heroic and positive. It was established that the idea of the Civil War as a national tragedy is integrated into historical memory. The interpretation of the 1918–1922 events in Russian history continues to be ambiguous; some authors pay attention to the patriotism of the "White", some to the heroism of the "Red Movement", others are inclined to rehabilitate all participants in the conflict. Contradictions in assessing the essence and results of the confrontation between the parties during the Civil War (1918–1922) have not currently been overcome, and "memory wars" continue. Currently, the historiography of memory is undergoing a stage of transformation, which is due both to new methodological approaches to its study and to an understanding of the importance for people's self-identification both in relation to their past and in relation to the present. The cultural turn at the turn of the 21st century led to an intensification of the study of memorial sites and commemorative practices as a way of preserving the memory of experiences. Researchers talk about the possibility of using the "memorial turn" to form collective memory in the process of implementing state historical policy; academic science is called upon to contribute to the formation of a national memory, free from myths and prejudices constructed by politicians. It is emphasized that historiography can solve not only scientific, but also social problems; contribute to the formation of value guidelines that help people's self-determination in relation to the common past, which is a factor of collective identity based on knowledge, and not constructs created on the basis of outdated political beliefs and contradictions previous years. Researchers see the main drawback of Soviet historiography in ideologization, at the same time they recognize its role in creating the basis for modern state memory policy.

Keywords: modern historiography, historical memory, Civil War, 1918–1922, identity

For citation: Skipina, I.V. (2025) Modern historiography of the historical memory of the Civil War (1918–1922) in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 151–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/15

Гражданская война признана одним из самых трагических событий XX в., завершившим Великую Российскую революцию. Ученые отмечают обширность предметного поля исторической памяти об этом факте, что обуславливается не только неоднозначностью трактовки данного термина, но многогранностью и сложностью самого события. Емкое определение исторической памяти предложил Ж.Т. Тощенко, высказав мысль о том, что она является итогом целенаправленного процесса организации, сохранения, воспроизводства прошлого опыта с целью его возможного применения в деятельности людей либо с целью сбережения, осмысления и влияния на сферу человеческого сознания с перспективой его дальнейшего использования [1. С. 5].

Память о Гражданской войне сегодня рассматривается как феномен, трансформирующийся под влиянием ряда обстоятельств, в том числе и под воздействием историографических трудов, в которых данная проблема находит отражение. Главным действующим лицом в этом случае выступает профессиональный исследователь, продвигающий изучение вопроса. Историк находится в постоянном поиске, в его работах академическая объективность превалирует над эмоциональным восприятием прошлого, характерным для социальной памяти. При этом коллективная память понимается как общий опыт, который не тождествен действующим научным концепциям, он проявляется, прежде всего, в коммеморативных практиках, соединяющих прошлое и будущее, формирующих более понятные сведения о пережитом, полезные как в настоящем, так и в перспективе. В последнее десятилетие ученые активно рассматривают процесс взаимосвязи историографии и исторической памяти. Представляется обоснованным утверждение авторов, характеризующих историографию как одну из форм исторической памяти, хотя данная позиция не является единственной по этому вопросу. Ученые признают, что историография отражает трансформации, которые проходит историческая память во времени, при этом анализ сюжетов прошлого показывает не только состояние науки конкретного времени, но и изменения, происходящие в социуме, которому она принадлежит. Историография и историческая память определенным образом связаны друг с другом, и не только историческая память оказывает влияние на историографию, но и историография может воздействовать на память. Основополагающим для автора данной статьи является утверждение Л.П. Репиной о том, что социальная память служит не только для передачи опыта и сведений о прошлом, но и является показателем самоидентификации личности, социальной группы, общества. Этот тип памяти способствует конституированию социальных групп в настоящем, и они могут влиять на людей в своих интересах [2. С. 414–415]. Признание действенной силы коллективной памяти в жизни человека, несомненно, актуализирует ее изучение. В процессе работы над темой использовался феноменологический метод, позволяющий рассмотреть исторические сочинения как явления культуры, феномен своего времени. Полезен был персонифицированный метод, он давал возможность проанализировать достижения конкретного автора, его вклад в рассмотрение вопроса.

Основное внимание в статье сосредоточено на оценке степени изученности исторической памяти, дискуссионных вопросах темы, анализе возможных путей сохранения сведений о войне как на основе совершенствования организации и ведения научной работы, так и путем коммеморативных практик. Цель статьи – репрезентация и интерпретация историографии памяти о Гражданской войне, сложившейся в последнее десятилетие, как знания, влияющего на самоопределение человека не только отношению к своему прошлому, но и к настоящему.

Методологической основой рассмотрения проблемы является принцип междисциплинарности, изложенный в трудах А. Ассман [3], и концепция коллективной памяти М. Хальбвакса. Историографию М. Хальбвакс считает профессиональной сферой деятельности, имеющей социально-институциональные рамки, в ней прошлое не воссоздается, а реконструируется, исходя из потребностей настоящего. Память он представляет свойством, являющимся результатом социального конструирования, определенной группы людей [4. С. 30]. При этом историография решает определенные практические задачи, важные в данный момент обществу, интерпретируя проблемные вопросы прошлого, намечая перспективы его дальнейшего изучения.

Нельзя забывать, что первые теоретические подходы изучения исторической памяти были заложены Н. Бердяевым в начале XX в., но под воздействием пролетарской идеологии они надолго были забыты и не использовались учеными вплоть до настоящего времени. К рассмотрению этой проблемы философа подтолкнула Первая мировая война, это событие он считал величайшим испытанием для человека. В 1920 г. Н. Бердяев издал работу «Смысл истории», в которой писал, что история «опознается через историческую память», процесс, связанный с духовной активностью и самопознанием [5. С. 11]. Он отмечал проявления памяти в каждодневной жизни людей, писал о возможности осмысления реальности через «судьбы истории», хранящие сведения о пережитом. Философ признавал необходимость использования документов в изучении прошлого, но говорил об их недостаточности для понимания событий, так как считал важным фактором «преемственность», осуществляемую исторической памятью. В памяти он усматривал возможность обращения к «более широкой» действительности, которая поддерживает связь времен. Без признания значимости памяти, уверен он, настоящее отрезано от будущего и прошлого, а историческое знание как форма памяти невозможно. Память, по мнению философа, не сохраняет всего пережитого, она отбирает самое важное, оставляя многое в забвении. Н. Бердяев усматривал в революционных событиях негативное воздействие на общество: «...поскольку революционизм ваш уничтожает память о прошлом, о предках, он глубоко антинационален» [6. С. 601]. По его мнению, забвение важных событий ведет к кризису памяти и в конечном счете к кризису идентичности. Представления о сущности и значении памяти, изложенные Н. Бердяевым, сегодня особенно актуальны, так как позволяет связать

теоретико-методологические аспекты изучения памяти с пониманием ее роли в анализе процессов самоидентификации и формирования коллективной идентичности.

Изучение памяти о Гражданской войне прошло ряд этапов, которые в целом совпадают с основными периодами развития историографии революционных событий 1918–1922 гг. В 1920–1930-е гг., подчеркивают авторы, состоялась постановка вопроса о важности сохранения памяти о героическом периоде Гражданской войны, но как самостоятельная данная проблема не ставилась. От историков потребовали превращения воспоминаний в нарратив, а от общественности организации коммемораций с целью демонстрации большевистского единения [7. С. 243]. Основную свою задачу, указывают Е.И. Красильникова и С.С. Наумов, лидеры большевиков видели в сохранении памяти об этом периоде советской истории путем проведения мероприятий, способствующих формированию коллективных представлений о Гражданской войне как о времени, потребовавшем многочисленных жертв в борьбе с капиталом, но открывшем светлый путь к социализму [8. С. 61]. Власти устраивали похороны-демонстрации жертв белых режимов на центральных площадях, чтобы актуализировать память о героях в сознании населения, граждане публично выражали признательность погибшим, участвуя в мемориальных мероприятиях. Похоронные процессии сопровождалась пением «Интернационала», траурными митингами, могилами героев во многих регионах отмечали сооружением монументов. Исследователи подчеркивают результативность таких мероприятий для утверждения коллективной исторической памяти [9. С. 174–175].

С этой же целью вводились новые знаменательные даты, такие как День освобождения от колчаковцев и белогвардейцев, День 7 ноября. Эмоциональная атмосфера массовых мероприятий сопровождалась призывами навсегда сохранить память о павших героях и направить все силы на построение справедливого пролетарского государства. Е.И. Красильникова уверена, что такие коллективные действия находили отклик у присутствующих, сближали участников, способствовали выражению политической позиции властей в доступной для людей форме, помогая организаторам привлекать на свою сторону обывателей [10. С. 74–75]. И.А. Вальдман и Е.И. Красильникова считают, что политику памяти большевики успешно реализовывали посредством использования пролетарских символов и коммемораций, эти приемы призваны были сформировать в общественном сознании образы большевиков-патриотов и дискредитировать их противников [11. С. 49–50]. Политика памяти, отмечают исследователи, стала самостоятельным направлением большевистской пропаганды, утверждающим прогрессивность и закономерность победы пролетариата. Однако постепенно мемориальные мероприятия унифицировались, утрачивали эмоциональную составляющую, и люди теряли к ним интерес [12. С. 30]. Для привлечения общественного внимания к памяти о революции и войне власти в 1920 г. поддержали организацию Военно-научного общества (ВНО), 21 сентября 1920 г. создали

Комиссию для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) [13], к 10-летию начала Гражданской войны в ноябре 1928 г. приняли Постановление ЦИК СССР «О мероприятиях по увековечиванию памяти погибших героев Гражданской войны» [14. С. 85]. Ученые подчеркивают важность выхода в свет в этот период первых обобщающих исследований о войне, но обращают внимание, что уже к концу 1920-х гг., опасаясь «живой памяти», большевики стали запрещать публикацию воспоминаний участников революционных событий. В то же время продолжали издаваться методические пособия, агитационная литература, рекомендации по проведению просветительских мероприятий, велась и работа по выявлению и учету памятных мест, свидетельствующих о героическом прошлом. Говоря об итогах этого периода, авторы отмечают, что управленцы делали все от них зависящее для контроля не только настоящего, но и прошлого, любыми средствами ограничивали получение населением сведений, которые противоречили их политической позиции, независимо от того, к какому времени они относились. Память о Гражданской войне активно использовалась для пропаганды утверждений о неизбежности победы диктатуры пролетариата над старым и бесперспективным прошлым.

Сферу памяти о пережитом в 1918–1922 гг., подчеркивают исследователи, руководство страны считало частью государственной политики. 30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял решение «Об издании истории Гражданской войны», перед авторами труда ставилась задача прославления героики военного времени. Пафос царил и на юбилейных мероприятиях в честь 20, 30, 35-летия победы пролетариата в революции и Гражданской войне. Авторы, оценивая состояние историографии памяти о войне, сложившейся в 1930-е – первой половине 1950-х гг., отмечают, что революционные события характеризовались как героические, создавшие условия для победы социализма и счастливого будущего страны. Ученые указали на смещение интереса исследователей и общественности с рассмотрения событий 1918–1922 гг. к изучению успехов в Великой Отечественной войне, что подтверждается значительным числом публикаций по данной тематике и сокращением коммеморативных практик в честь победы большевиков в Гражданской войне. Во многом это обуславливалось репрессивной политикой И. Сталина, некоторые участники войны были суждены как враги народа, а оставшиеся опасались устраивать массовые встречи. Несомненно, такое положение отрицательно сказалось не только на пополнении фонда источников и литературы о рассматриваемом периоде, но и на формировании памяти о противоборстве сторон. В это время еще были живы многие свидетели революционных событий, и они могли бы поделиться воспоминаниями, новыми оценками и переосмыслением пережитого, пришедшим со временем, но этого не случилось, такие воспоминания крайне редки. Отражение коллективной памяти о Гражданской войне в исторических трудах 1930-х – первой половины 1950-х гг. не претерпело значительных изменений. Даже смерть

И. Сталина в 1953 г. и наметившаяся тенденция критики культа личности не повлияли на оценки исторических событий. Кроме того, к концу сталинской эпохи, по мнению Н. Копосова, политическая пропаганда воспринималась частью населения как объективное знание о прошлом, доказательством этого является живучесть советских исторических мифов в памяти людей [15. С. 89]. В сущности, современные историки подтверждают мысль выдающегося ученого П.Л. Капицы, который написал в декабре 1955 г. Н. Хрущеву о том, что наука служила чиновникам, была оторвана от реальных задач времени, на заседаниях присутствующие восхваляли партийную элиту: «...Академики Нудники читают оторванные от жизни доклады, обычно по вопросам исторического характера, славя память великих ученых или великие события» [16. С. 206].

В условиях более свободной обстановки второй половины 1950–1980-х гг. в анализе рассматриваемой проблемы произошли позитивные изменения, были опубликованы ранее неизвестные документы, воспоминания и новые исследования о войне. Тем временем современники событий уходили из жизни, и остро встал вопрос об увековечивании их памяти, что нашло отражение в торжествах, посвященных 40, 50, 60 и 70-й годовщинам пролетарской революции, в решениях о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в 1965 г. и его отделений на местах. Процесс реабилитации, начавшийся с приходом к власти Н. Хрущева, поставил на повестку дня «возвращение имен» репрессированных участников войны, но изучение их судеб только начиналось. Деятельность ВООПИиК способствовала работе по возведению мемориалов героям и участникам войны. Принцип преемственности поколений и важности сохранения знания о войне «в героическом ключе» оставался ведущим в советской историографии, все работы создавались в рамках единой методологии, не позволявшей развить новые подходы к изучению памяти. Несмотря на существенное пополнение историографии Гражданской войны содержательными работами, ученые так и не приступили к анализу феномена исторической памяти.

Ситуация изменилась только после апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, когда государственные и общественные институты приобщились к формированию «нового» прошлого, соотнося его с «перестроечным» настоящим. В этот период ученые активно изучали труды зарубежных коллег, приступивших к разработке исторической памяти, постепенно складывалась теоретико-методологическая база изучения этой проблемы. В Московском историко-архивном институте стали регулярно проходить встречи, на которых ставились вопросы, связанные с переосмыслением советского прошлого. Присутствующие обсуждали и то, какой должна быть память о пережитом, каким образом соотносятся и взаимодействуют историография и историческая память, каковы отношения социальной памяти и настоящего, как они проникают друг в друга. На одном из таких заседаний выступил Ю. Афанасьев, ректор института, свой доклад он посвятил вопросу со-

циальной памяти человечества, отметив, что люди изучают историю, прежде всего, с целью постижения коллективной памяти, так как без этого невозможно формирование самосознания и самоопределения. Говоря о героях революции и Гражданской войны, он сказал, что это люди, которые будут еще «служить примером, образцом для подражания» [17. С. 59].

Исследователи отмечали рост интереса к истории Гражданской войны в преддверии 70-летия Октября. Подготовка к знаменательной дате сопровождалась рассекречиванием источников, в том числе и материалов личного происхождения, которые позволяли продолжить исследование памяти об этом событии. Стали доступны данные, характеризующие позицию антибольшевистского лагеря на разных этапах Гражданской войны. В документах белого движения война предстала трагедией, сопровождающейся крушением империи, но в исторических трудах, вышедших в этот период, по-прежнему господствовало утверждение о том, что революция и война позволили сделать шаг в светлое будущее. Поколение участников войны к этому времени уже ушло из жизни, поэтому проблема сохранения памяти и научной трактовки события являлась задачей государства, исследователей и общественности. Авторы обратили внимание на неухоженность многих мест увековечивания памяти участников революционной борьбы, их слабую посещаемость в повседневной жизни, на то, что революция и война приобрели автономию, в то время как первое событие оставалось предметом интереса общественности, второе привлекало все меньше внимания, исключением являлся День 7 ноября, но и этот праздник масштабно отметили последний раз в 1987 г. [18. С. 85]. После распада СССР события, связанные с памятью о революции и Гражданской войне, отмечали без прежнего размаха. Г. А. Бордюгов назвал юбилейный 1997 г. временем «антипамяти» революции [19. С. 80]. Во второй половине 1980–1990-х гг. появилась тенденция изучения памяти о войне с учетом позиций всех ее участников, в том числе и сторонников белого движения [20. С. 216–219]. Существенным недостатком историографии советского периода являлась ее идеологизация, а главным достоинством – создание базы для формирования государственной исторической политики, в том числе и политики памяти.

В 1990-е российские ученые получили возможность узнать о достижениях зарубежных коллег, освоить новые подходы изучения исторической памяти, что во многом обуславливалось появлением перспективной формы научного исследования, которая получила название мнемонистории. Мнемонистория, как утверждает А. Ассман, это то, что можно назвать историей восприятия истории, когда «настоящее дирижирует прошлым», используя лишь то, что ему необходимо в данный момент, таким образом, прошлое, в определенном смысле, изобретается настоящим [3. С. 13]. В соответствии с таким подходом историограф должен прибегнуть к антропологическому эмпиризму, проследить деятельность памяти, проверить правдивость полученных данных на основе самого надежного

источника, которым является человеческий опыт. Особый интерес ученых вызвало заключение П. Нора о том, что историография является интеллектуальной работой, связанной с научным, структурированным отражением прошлого, в котором «память схвачена историей» и призвана, при необходимости, ее корректировать [21. С. 39]. Л.П. Репина обратила внимание на подвижность памяти, которая постоянно создает интерпретации, соответствующие потребностям современного общества, ученому следует это иметь в виду и руководствоваться исследовательскими принципами, а не действовать в соответствии с социально-политическими установками. Она поддержала идею о том, что социальная память может вырастать как из разделяемых, так и из оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые непременно вплетаются в наше понимание настоящего и будущего. В современной историографии историческая память чаще трактуется как одна из черт индивидуальной и коллективной памяти, влияющей на процессы самоидентификации, как многофакторный «социокультурный феномен», обусловленный постоянным переосмыслением исторических событий и прошлого опыта, а также как материал, который может использоваться для манипуляции массовым сознанием в угоду отдельных социальных групп [2. С. 497–500].

Изучение памяти о войне пережило настоящий всплеск под воздействием «мемориального поворота», произошедшего в конце XX – начале XXI в., в этот период остро встал вопрос о способах мемориализации прошлого, а вместе с ним обострились «конфликты памяти». Все чаще исследователи и общественность стали обращаться к воспоминаниям непосредственных свидетелей событий, представляющих разные политические силы. На основании этих часто эмоциональных данных участники дискуссий стали высказывать противоречивые суждения о сущности противоборства, проявляя при этом единодушие в том, что революция и война изменили исторический путь развития России. С целью преодоления разноречивых трактовок исторических фактов и развития академических знаний в 2012 г. было воссоздано «Российское военно-историческое общество», в этом же году организовали и «Российское историческое общество», одним из направлений их деятельности стало формирование коллективной исторической памяти. Интерес к противоборству сторон в 1918–1922 гг. не ослабевал со стороны элит, общественности, ученых и в последующие годы, что было связано со 100-летием событий Первой мировой, а позже и Гражданской войны [22]. В эти даты со всей остротой выявились существующие «конфликты памяти», участники обсуждений представляли наше общее прошлое по-разному, однако, восторжествовало мнение о том, что уроки пережитого должны послужить основой примирения, а не конфронтации [23. С. 40, 44]. Возобладало утверждение, что Первая мировая война и революция «подстегнули» братоубийственную Гражданскую войну, в которой было больше трагического, чем героического. Сегодня в историческую память также интегрируется вывод о Гражданской войне как общенациональной трагедии, в которой

жертвами конфликта являются все стороны противостояния. Несомненно, самыми обсуждаемыми являются «белые» и «красные» участники событий. Память о войне продолжает носить неоднозначный характер с оттенками героизации то «белого», то «красного» движения, то реабилитации всех противоборствующих сил, что свидетельствует о незавершенности изучения вопроса [24. С. 184–185].

В настоящее время в историографии получил развитие «мемориальный уклон», сторонники которого подчеркивают важность мест памяти в формировании коллективных представлений о войне. «Мемориальный поворот» вылился, прежде всего, в идею сооружения памятников участникам противостояния, находившимся по разные стороны баррикад. Реализация данной идеи привела к возведению монументов сторонникам не только «красного», но и «белого» движения – Л.Г. Корнилову в Краснодаре, Колчаку в Омске и Иркутске, Врангелю в Севастополе, памятного знака на доме, где проживал в Воронеже А. Пепеляев и ряда других объектов, но против таких решений высказалась значительная часть общественности, в результате несогласованность взглядов вылилась в усугубление противоречий и открытые «мемориальные конфликты». М. Шиловский считает, что для предотвращения противоречий, возникающих в связи с мемориализацией, необходимо принять нормативный акт, регламентирующий практику увековечения памяти выдающихся личностей [25. С. 133]. «Конфликты памяти» вылились в настоящие «войны памяти», в итоге ряд памятников, посвященных лидерам белого движения, пришлось снести. А.В. Сушко и Д.И. Петин, анализируя ситуацию с мемориализацией фигуры А.В. Колчака в Омске, приходят к заключению, что мнения профессиональных историков часто не учитываются в процессе формирования памяти о лидерах «белого» движения, что обостряет отношения в обществе. Историки возлагают надежды на Центр изучения истории Гражданской войны в Омске, который открылся 13 января 2012 г. и ведет работу по преодолению упрощенных представлений о Гражданской войне как «белой» или «красной» правды, продолжая исследования глубинных социальных процессов 1918–1922 гг. и их воздействия на дальнейшее развитие общества [26. С. 10–12]. Исследователи предлагают создать именные списки всех жертв Гражданской войны, напоминающие о последствиях противостояния.

К трактовке памяти о войне приобщились ученые, общественность, управленцы, обсуждения вылились в сферу электронных и печатных СМИ, коммеморативные действия, создание общественных объединений. Коллективная память о Гражданской войне продолжает рассматриваться как один из значимых идентификаторов состояния российского общества по отношению к своему прошлому. Дискуссии показали, что процесс мемориализации событий и участников Гражданской войны сегодня не урегулирован, концептуально не обоснован, он носит непоследовательный характер, осуществляется государственными и общественными организациями несогласованно, что не способствует формированию коллективной исторической

памяти. Об остроте проблемы свидетельствуют многочисленные дебаты, посвященные способам сохранения и формам передачи памяти о Гражданской войне от поколения к поколению, но эти обсуждения, скорее, свидетельствуют о позиции неопределенности участников дискуссий по отношению к прошлому. Так, представители одной из конференций, состоявшейся в 2017 г., посещая мемориальные объекты, возложили цветы и к памятной доске А. Колчаку, установленной на фасаде особняка К.А. Батюшкина в Омске, и к памятнику его противникам в Сквере борцов революции [27. С. 60]. Опубликованы данные ряда опросов, которые свидетельствуют о неоднозначности оценок противоборства, развернувшегося в 1918–1922 гг., общественностью, а также об «обеднении» образа Гражданской войны в глазах наших современников, что во многом объясняется несформированностью коллективной памяти. Значительная часть населения считает Гражданскую войну сложным, противоречивым явлением, отдаленным во времени, но продолжающим влиять на современность. Представление о войне в обществе достаточно дискретно, считает А.В. Баранов, существует вне связи с другими историческими процессами, основано на знаниях, полученных в образовательных учреждениях. Роль научных разработок, коммеморативных пространств и профессиональных историков в формировании исторической памяти остается незначительной [28]. Некоторые люди надеются, что историческая память может сложиться естественным путем, без давления, с последним можно согласиться, но состояние современных представлений о Гражданской войне, переживших многочисленные манипуляции, говорит о необходимости профессиональных усилий для преодоления противоречивых позиций. Большинство авторов считает, что именно академическая наука должна внести вклад в формирование коллективной памяти, свободной от мифов и предрассудков, продемонстрировать свою способность формировать и интегрировать институциональную историческую политику, исключая манипулирование интерпретацией событий с целью раскола общества [29. С. 120]. Ученые видят перспективу в выявлении «коллективных смыслов» на

основе памяти, что поможет личности самоопределиваться, в том числе и по отношению к советскому периоду российской истории, обрести идентичность, прежде всего, с самим собой и со своим прошлым, и это будет способствовать сплочению общества. Историография памяти о событиях 1918–1922 гг. является актуальной, общественно значимой, но слабо разработанной областью, рассматривается историками в связи с относительно изученными социально-экономическими и военно-политическими процессами, но практически не участвует в анализе социально-психологического состояния общества военного и поствоенного времени, поэтому последнее направление является одним из самых перспективных [30. С. 9–10, 15, 19]. Сегодня возобладало мнение о необходимости решать спорные вопросы мирно, наполнять прошлое обоснованными сведениями, способствующими формированию непротиворечивых представлений о пережитом. Значительная роль в этом отношении отводится учебной и научной литературе, информационному контенту, коммеморативным пространствам и мемориальным практикам. Авторы подчеркивают важность источниковой информации для самоопределения личности, для обретения идентичности, которая может стать наднациональным элементом в сознания народа, базой формирования коллективной памяти о войне.

Исследователи пришли к пониманию того, что на основе исключительно памяти разрешить противоречия, разгоревшиеся между сторонниками разных точек зрения на сущность противоборства 1918–1922 гг., не представляется возможным. Выход из положения видится на пути коллективного осмысления пережитого, основанного на индивидуальном понимании важности консолидации общества на базе общего исторического опыта и памяти о нем. В настоящее время историография призвана стать одним из факторов формирования идентичности, решать не только научные, но и социальные задачи, способствуя самоопределению людей, утверждению в их представлениях ценностных ориентиров и по отношению к настоящему, и по отношению к прошлому, основанных на знаниях, а не построенных на мифах, политических трактатах и противоречиях предыдущих лет.

Список источников

1. Тощенко Ж.К. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика М. : Кругъ, 2011. 560 с.
3. Асман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М. : Юрайт, 2018. 175 с.
6. Бердяев Н. Дух и реальность. М. : АСТ: Астрель, 2011. 664 с.
7. Барышева Е.В. Коммеморация революции в советской праздничной культуре 1920–1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 3. С. 235–244. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.058
8. Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920–2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 2. С. 58–69. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2)
9. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть...: Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск : Редакционно-полиграфическое объединение СО РАНХи, 2015. 404 с.
10. Красильникова Е.И. Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.
11. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54. doi: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
12. Красильникова Е.И. Память сибиряков о Гражданской войне. Коммеморации 1920–1930-х гг. // Гражданская война в России 1917–1922: историческая память и проблемы коммерциализации «красного» и «белого» движения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Омск,

16–17 июня 2016 года. Омск: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2016. С. 29–34.

13. Постановление СНК об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (большевиков). 21 сентября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. Август–сентябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1980. С. 200–201.
14. Тишкина К.А., Петин Д.И. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) // Журнал фронтирных исследований. 2023. № 2. С. 82–96. doi: 10.46539/jfs.v8i2.466
15. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
16. Капица П.Л. «Требуется смелость размах и дерзание». Пять писем академика П.Л. Капицы Н.С. Хрущеву // Знамя. 1989. № 5. С. 200–209.
17. Афанасьев Ю. Социальная память человечества // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 56–59.
18. Монсеенко А.Д., Шевцов В.В. Трансформация структуры празднования Октябрьской революции на страницах газеты «Красное знамя» (1985–1991 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4. С. 84–92. doi: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92
19. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.
20. Ипполитов Г.М. Российская Гражданская война в отечественной историографии второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. (некоторые аспекты проблемы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 1. С. 204–220.
21. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюиже, М. Винок. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. 328 с.
22. Иванова Л.В. Мемориализация братских могил участников и жертв гражданской войны в Тюменском, Исетском и Тобольской районах Тюменской области (100-летию Великой Российской революции посвящается) // Наследие Тюменской области. 2017. № 1. С. 30–33.
23. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04.
24. Калашников В.В. Новейшая историография Гражданской войны в России: экспресс-анализ // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Т. 6. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 184–252.
25. Шиловский М.В. Война с памятниками или за памятники: мемориализация памяти о Гражданской войне в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1. С. 133–138.
26. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17
27. Стельмах М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.
28. Баранов А.В. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // Перспективы. 2022. № 3. С. 109–115. doi: 10.32726/2411-3417-2022-2-109-115
29. Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121. doi: 10.31857/S0869568722030086
30. Поршнева О.С., Фельдман М.А. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3. С. 9–26. doi: 10.15826/izv2.2018.20.3.042

References

1. Toshchenko, Zh.K. (2000) Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat': analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory: an analysis of the current state]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 4. pp. 3–14.
2. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social theories and historiographic practice]. Moscow: Krug.
3. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
5. Berdyayev, N.A. (2018) *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The Meaning of History. An experience of the philosophy of human destiny]. Moscow: Yurayt.
6. Berdyayev, N. (2011) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST: Astrel'.
7. Barysheva, E.V. (2019) Kommemoratsiya revolyutsii v sovetskoy prazdnichnoy kul'ture 1920–1930-kh gg. [Commemoration of the revolution in the Soviet festive culture of the 1920s – 1930s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (21). pp. 235–244. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.058
8. Krasil'nikova, E.I. & Naumov, S.S. (2020) Istoricheskie simvol'y revolyutsii i grazhdanskoy voyny v publichnom prostranstve sibirskikh gorodov: izgiby politiki pamyati (1920–2010-e gg.) [Historical symbols of the Revolution and the Civil War in the public space of Siberian cities: twists and turns of memory politics (1920s–2010s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2 (7). pp. 58–69. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2)
9. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'...: Pamyatnye mesta i kommемorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remembering but not forgetting...: memorial places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. *Novosibirsk: Redaktsionno-poligraficheskoe ob"edinenie SO RASKhN*.
10. Krasil'nikova, E.I. (2014) Kommемorativnoe znachenie massovykh pokhoron zhertv Grazhdanskoy voyny v gubernskikh gorodakh Zapadnoy Sibiri [Commemorative significance of mass funerals of civil war victims in provincial cities of Western Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 71–75.
11. Krasil'nikova, E.I. & Val'dman, I.A. (2020) Politika pamyati: istoricheskie simvol'y i kommемorativnye praktiki v sisteme sotsial'no-politicheskoy samoregulyatsii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv. [Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 1 (26). pp. 47–54. doi: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
12. Krasil'nikova, E.I. (2016) [Memory of Siberians about the Civil War. Commemorations of the 1920–1930s]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1922: istoricheskaya pamyat' i problemy kommersializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [The Civil War in Russia 1917–1922: Historical Memory and Problems of Commercialization of the "Red" and "White" Movements]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 16–17 June 2016. Omsk: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Likhacheva. pp. 29–34. (In Russian).
13. Institute of History USSR AS. (1980) Postanovlenie SNK ob uchrezhdenii Komissii dlya sobiraniya i izucheniya materialov po istorii Oktyabr'skoy revolyutsii i istorii Rossiyskoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) [Resolution of the Council of People's Commissars on the establishment of the Commission for the collection and study of materials on the history of the October Revolution and the history of the Russian Communist Party (Bolsheviks). September 21, 1920]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Government]. Vol. 10. Moscow: Politizdat. pp. 200–201.
14. Tishkina, K.A. & Petin, D.I. (2023) Prazdнование 10-letiya vosstanovleniya sovetskoy vlasti v Sibiri v 1929 g. (na primere Omskogo okruga) [Celebration of the 10th anniversary of Soviet power in Siberia in 1929 (using the Omsk District as an example)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2. pp. 82–96. doi: 10.46539/jfs.v8i2.466

15. Kuposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regimen: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Kapitsa, P.L. (1989) "Trebuetsya smelost' razmakh i derzanie". Pyat' pisem akademika P.L. Kapitsy N.S. Khrushchevu ["Courage, scope and daring are required. Five letters from Academician P.L. Kapitsa to N.S. Khrushchev"]. *Znamya*. 5. pp. 200–209.
17. Afanas'ev, Yu. (1987) *Sotsial'naya pamyat' chelovechestva* [Social Memory of Humanity]. *Nauka i zhizn'*. 9. pp. 56–59.
18. Moiseenko, A.D. & Shevtsov, V.V. (2019) Transformatsiya struktury prazdnovaniya Oktyabr'skoy revolyutsii na stranitsakh gazety "Krasnoe znamya" (1985–1991 gg.) [Transformation of the structure of the celebration of the October Revolution on the pages of the newspaper Krasnoe Znamya (1985–1991)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 84–92. doi: 10.22281/2413-9912-2019-03-04-84-92
19. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory. The cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
20. Ippolitov, G.M. (2008) Rossiyskaya Grazhdanskaya voyna v otechestvennoy istoriografii vtoroy poloviny 1980-kh – pervoy poloviny 1990-kh gg. (nekotorye aspekty problemy) [The Russian Civil War in Russian historiography of the second half of the 1980s – first half of the 1990s (some aspects of the problem)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 1(10). pp. 204–220.
21. Nora, P. et al. (1999) *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University..
22. Ivanova, L.V. (2017) Memorializatsiya bratskikh mogil uchastnikov i zhertv grazhdanskoy voyny v Tyumenskom, Isetskom i Tobol'skoy rayonakh Tyumenskoy oblasti (100-letiyu Velikoy Rossiyskoy revolyutsii posvyashchaetsya) [Memorialization of mass graves of participants and victims of the Civil War in the Tyumen, Isetsky and Tobolsk districts of the Tyumen region (dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution)]. *Nasledie Tyumenskoy oblasti*. 1. pp. 30–33.
23. Malinova, O.Yu. (2018) Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: sravnitel'nyy analiz sopernichayushchikh narrativov [Commemoration of the centenary of the 1917 Revolution(s) in the Russian Federation: a comparative analysis of competing narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 37–56. doi: 10.17976/jpps/2018.02.04
24. Kalashnikov, V.V. (2018) Noveyshaya istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii: ekspress-analiz [The latest historiography of the Civil War in Russia: an express analysis]. In: *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Problemy istorii i istoriografii* [Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Problems of history and historiography]. Vol. 6. Saint Petersburg: Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". pp. 184–252
25. Shilovskiy, M.V. (2019) Voyna s pamyatnikami ili za pamyatniki: memorializatsiya pamyati o Grazhdanskoy voyne v Sibiri [War with monuments or for monuments: memorialization of the memory of the Civil War in Siberia]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1. pp. 133–138.
26. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2019) Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'"*. 4 (4). pp. 9–17. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17
27. Stel'makh, M.M. (2018) Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v Omske: itogi nauchnoy diskussii [The main conference on the revolution and the civil war in Omsk: results of the academic discussion]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 1 (2). pp. 57–64.
28. Baranov, A.V. (2022) Pamyat' o Grazhdanskoy voyne v kollektivnykh predstavleniyakh rossiyskogo obshchestva [Memory of the Civil War in the collective representations of Russian society]. *Perspektivy*. 3. pp. 109–115. doi: 10.32726/2411-3417-2022-2-109-115
29. Goldin, V.I. (2022) Grazhdanskaya voyna v Rossii: problemy sovremennoy istoriografii [The Civil War in Russia: problems of modern historiography]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 109–121. doi: 10.31857/S0869568722030086
30. Porshneva, O.S. & Fel'dman, M.A. (2018) Osmyslenie rossiyskoy Grazhdanskoy voyny v kontekste dvukh yubileynykh dat [Understanding the Russian Civil War in the context of two anniversaries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 3 (20). pp. 9–26. doi: 10.15826/izv2.2018.20.3.042

Информация об авторе:

Скипина И.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.skipina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Skipina, Dr. Sci. (History), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.v.skipina@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024;
одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 15.07.2024;
approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 28.02.2025.